

Новая социальная поэзия

Иван Соколов

Из «Книги»

Книга жил сразу за углом от гостиницы « Утешение ». Ну как — « жил » . Ночью опять прошёл дождь из пепла — не иначе стараниями одного из её постояльцев : наведался за очередной дозой забвения в чащу символов . Какая-то недотёпа оставила прямо под открытым окошком последнее из самых дорожимых Книгинах приобретений — чёрненькую « Книгу инферно » , облизывающуюся языками лавы . Несмотря на деревянную биссектрису , усердно подпирающую непослушную фрамугу и одновременно закрывающую в комнату человеческой жизни вход всякой нечисти (ночекрылым мышам , наукам , ногам юнош , трусцой по пояс пересекающих микрорайон на рассвете), к утру содержание вынеслось на обложку . При попытке сдуть с жертвы нечеловеческую манну с губ прямо на имя автора слетело несколько шариков слюны . На краю стола как в середине жизни : горстка ничего не значащих значений в самой зенице ока .

Одна поэтесса поделилась с ним украдкой что совершенно разучилась читать в столбик . « Как будто ноги чешутся назад ! » Захотелось использовать это против неё . Перемешал все буквы какие у него были и подкинул ей в навыдорот отражённом наборе — но не так чтоб с поличным , а исподтишка , в уборную , где она обычно читала в столбик , скрывая . Пользы в этом не оказалось никакой , п . стала писать только лучше , зато Книга на некоторое время от осознания своего проступка окончательно сковырнулся .

Ф . или С . (тут ещё поди разбери кто — кто) свалил / а было подыхать на Бали . Или скрываться от невидимых слёз мира в Камбодии ? . . Но тут началось нечто невероятное . Слёзы не оставались в долгую и каждый предмет набухал и делился надвое , прислоняя одну створку к другой . Сквозь лица друзей проступали п / э пакеты . В зиккуратах продырявленных покрышек с « Красного треугольника » с бл*дями танцевала Королева Маб . В бреши в клюве выорка

ягоды приобретали очертания сосков возлюбленного , а в промежностях заснятой им/ею ещё в той хрустальной коммуналке питерской богемы вырастали книги , книжные склады , своры газовых критиков . Дома серию за глаза прозвали « X*иптихи » (и там и впрямь можно было навести справки , у кого — какое) , но самая жесть была поверх всего процарапанное невидимое солнце — оно выжигало внутренности и неизлечимо канючило психотропиков . Он/а был/а мной очарован/а на остановке у « утюга » , где чуть на тот свет не переправили отца в своё время , а я — хокку-сайка , развив исторической застройки — так и не разучился им/ею восхищаться . Один отпечаток : раскрытая дверь , по сусекам с бела света намётённый белый свет , за балконом — море . За балконом море . Другой : глаза стреляют из-за угла , и появление сразу после не отягощённого спецоборудованием аквалангизма в Пряжке — пока-пока , очки-труба .

Пока безжалостный дракон сканирует лученосными глазницами « Литпамятники » . Питер тех лет , какой он был , помнишь ли ты его на весу ? Другой тоже хорош — сидит выпулся там на своих притиков и дур . Мочеглазка Фонтанка .

Как заведённый целовал его в полный рот заячьей капусты . Как заключённый — в коробе призраков , форм , опавших воспоминаний .

Кокоша , Какаша и малыша Кики справляли отъезд Кукухи на выселки . С К . , правда , съехала и Хейвардская геоскладка , что окончательно подрезало жилы планам оставшейся троицы на переезд куда-нибудь где нас нет . Когда ворона щёлкнула шеей в 20²⁰-й раз , в Центре гидропонной поэтики вдруг дали свет : история столпотворяется . Он забыл прибавить : первый раз в рабочий класс , второй раз — на лекцию красного велосипедиста « Как разучиться писать Истр и Чаушеску и начать мыслить стихи » . А , не , « чау-чау » , вот-вот .

Влечение было самой ходовой валютой в Республике поэтов . Доступное каждому , оно котировалось в зависимости от погоды но никогда не покидало своего разворачивающего горизонта . N попал в такое исступление от стихов другого N , что воспыпал к его закарпатского углю ресницам настолько что восстановил против себя пол-общественности . Как рассказывал потом Книге N , в Древнем Риме столько не лилось вина , сколько эхолалии сошло с истошных уст из себя выкорчеванного N — и это притом что были применены и укусы в грудь и метод отчуждённо-психических реляций . Даже жена N не имела против чтобы проработать сплётшийся узел . Книга давно впрочем был наслышан об участии N , ещё до того как она его собственно постигла , и подхватив от того ползучую неутолимость , сам втихомолку сохся чёрной сухоткой по тем самым ресницам и волшебным плечам , отчего стихи взятого в мужья зажигались ещё более ненасытным огнём . С годами аберрации угнездались всё яже . Узнав , что поэт N в своих стихах упоминает слово « язык » , Книга долго не мог в себя и только и мыслей было что о горячем холодном

языке N'a и как тот насаждается в центр него . Пожамкаться с женой того N на кабацких столах не привёл видимо сам Господь Бог , но не то ли случилось у него и в предыдущем поколении , когда влюблённая в N N чуть не отказалася ему от двери за то что он его у неё увёл — в том числе и более обильными посвящениями , хотя , казалось бы , печальной N , так часто и с таким неподдельным эффектом им обнимаемой , обильности было не занимать . Это было странное время — в виршеграде Энске начинали запирать на балы ночи парадные и рисовать на дверях кресты пациентской кровью несомой поэтом N , чья худоба многоя кого подстрекала на мысленные излишства , на психоанализы . Расплата укрывалась в каждой подворотне , поэты не успевали чиркать стилосом по планшету после того как ртом высаживались на рот коллеги по закутку . N признался Книге что влюблён в него ; другой N просто поцеловал его и несколько раз приглашал в постель хотя Книга никак не находился что делать . Третий N который вроде бы не по делу написал ему стихи чем снискал Книгин энтузиазм на годы вперёд . Всё это время Книга ошивался по чужим постелям и « смотрел мультики » с нисколечки тогда ещё не поэтами отчего полагал себя последней закладкой . У энцев был такой обычай , собираясь вокруг засаленного матраса в К-м переулке и когда кто с визитом из-за городских стен перечислять , с кем из участников сеанса он/а тайно за прошедшие месяцы обменялся/ась дыханием . Был ещё тогда неотразимой-юности N , который как крокодил предлагал всем и многие не уставали . Был и мечтаемый каждым ногастый N , который однако владел искусством соглашаться так , что никому в итоге не удавалось востребовать причитающееся по расписке . Это была поистине грозная эра , и по любому щелчу небесного реле горожане принимались стенать и оплакивать свои заблуждения , после чего лишь укреплялись в решимости сорвать это вшивое небо с петель и показать ему что такое по-настоящему домогаться земли . Выход на улицу был сопряжён с риском для жизни рассудка . Книги в которых подробно доказывалось что то же самое творилось всегда и везде во всех художественных колониях , насилие , насилие , насилие , нисколько не расслабляли барометра . Достраивание к Энску цифрового двойника усугубило . В это время профсоюз как раз решил обязать каждого члена читать всех других и лирический промискуитет как чума промчался по лучшим округам виршеграда . Особенной пыткой выступали т . н . новописцы , растравлявшие не одного только Книгу всякий раз после подборки сверять профили их стихов с юзерниками в соцсетях и вводить в оценку в уме прикидываемую середину от меры просодической новации и манности полудетской мордашки — лучшим исходом на который было можно надеяться это когда человек отсутствовал/а где бы то ни было и избавленный ридер был предоставлен свободе вносить в графу всё что придёт на в той или иной степени воспалившийся ум . Один тот победитель во что ему обошёлся . Отдельная история был подлец NN — но NN совершил жуткое и это отдельная история , и сам Платон его потом волок за шкирку сопротивления через ворота на глазах притихшей толпы , каждый из которой за занавесками у себя в комнате занимался тем же пламенем что и Платон , тем же что и NN . Поэтам старше , впрочем , он знал , приходилось ещё запутанней , п . ч . на обороты обменов и вкладов у них наславивались заболевания желания — писчая судорога , паралич грёз , синдром отмены воспоминаний и прочие , из которых эти ещё были самые сладкие . Но главной Книгиной мёкой были сны — сны

в которых поэты нисколько того не заслужившие и поэты сделавшие всё чтобы то заработать слагались в не относящиеся к этому миру формы и подсвечивались занимавшей/им в те годы Либидинальный престол Рыбой-удильщиком . В мире по швам расходящейся яви он смотрел на старших , средних и младших товарищей и товарок и не знал как удержаться от того чтобы с ними (не) переспать . Он смотрел на лучшего поэта его эпохи N и грезил о форме его рук , о его животе , на который погрешивал и его спутник . Он смотрел на лучшую энскую поэтессу и мысленно вздрагивал от абсолютности её произведений , её тихих голосовых устремлений , каких жаждал всякий наученный пить обрядом кровосмешения . Но во снах не оставалось никакого средства не проникать в ум и тело каждого поэта и поэтессы , от завалящегося гения до выдающегося бумагомараки , во снах , погружавших его на дно доньев , в смеркание мрака , Книга многажды переспал с самой возможностью — с необходимостью ! — переспать с каждым/ой пишущим/ей , и всякое утро встречало его ещё более измочаленным , ещё более измолчавшимся чем всегда . О проза(и)ках aut nihil .

Но больше всего Книгу донимали цитаты . Хуже были только те кого донимали они . Читающие как заученные повторяли за пишущими . Цитирующие хором честили своё как чужое . Что значит « офицер » — « бежит » или « бьёт » ? Он пробовал к ним на дебаты , усевшись локтями в колени : но ты пойми , это же не то же , ну что ты как сам не свой . Но заикаясь , с пеночкой на губах сходящихся шахты , они и там думали перещёбётьвать своё друг за дружкой . Цитатная поэтика легко берёт на свой щит любого — инженера-химика , риэлтора , бакалейщика , ударника в местном приходе , военнослужащего , дипломированную медсестру , передозировавшегося экс-вице-президента такой-то конторы . Когда районный бегун Гоша Фьють вдруг изрёк одну фразу , Книга сначала принял её за излияние в искренности . Потом выяснилось что это была цитата из Эрика Гарроты , подпольного сигаретчика . Острый край цитаты (гэта я , а це вже ти) : серповидное усыхание лёгких . Это Гаррота сказал тогда , мне мол нечем у вас тут дышать . Спёрли воздух , чего и говорить . Но ни Г . ни Г . не были первопроходцами . Теории звёздного влияния пришлось бы по душе : *семьдесят* других светил в области речевых актов уже исполняли это высказывание при самых различных обстоятельствах — об этом см . у Нюты . Вот и верь после этого языку . Как можно в свете ситуации не на жизнь а на смерть пользоваться таким залапанным материалом ? « Вы хотите что-то сказать напоследок ? » — « Напоследок я хотел бы сказать то что он сказал напоследок » . Какой уж там « цикада » — донаперелетались . Переживая за Книгу я написал для него небольшое рондо с вариациями где семнадцать раз возвращаюсь к этой проблеме , приведу его целиком : « Мне нечем дышать . Нет , мне нечем дышать . Да , мне нечем дышать . Нечем дышать . Да мне дышать нечем . Дышать нечем . Мне нет чем дышать . Чем дышать-то . Чем тут будешь дышать . Чем мне и дышать , нет , зачем . Мне больше не дышать . Мне нечем дышать . Мне не жить — ни жить , ни дышать . Дышать ничем . Я никто и звать меня никак и мне нечем дышать . Ничто нечем дышать . Не могу смотреть , видеть , слышать , ненавидеть , обидеть , гнать , вертеть , держать — не могу молчать : я не могу дышать » . Да не части ты так , скажи чтоб я понял .

Как вообще реагировать на цитату ? Такое оскорблениe . « Конечно нечем , тебя ж к земле прижали » , ответил один гвардеец . Ну вариант , да . В другом случае просто бросили в сердцах : « Да нормально всё » . Но самый простой ответ он же и самый правильный — « П*здйт как дышит ! » Допустимый вариант : « П*здышь — значит дышишь » . Иностранцы часто путали ударения и выходило всё наоборот — но редакция не в ответе за тех кто её исправляет без спросу . Да и как определишь , от себя говорит человек или передирает с кого-то ; иногда анализирующими это в режиме живого времени банально недостаёт знаний или просто опыта , те же кто судят по записи не всегда могут войти во все обстоятельства дела . Книге на его вопросы один сотрудник в ответ тоже часто ссылается на народную мудрость : « “ цитирует ” значит “ лжёт ” » . В лучшем случае преувеличивает . Тем более что даже сами цитаты иногда перевирают , и с языка летят мольбы о глоткé не воздуха , а воды или бабушки . Воздух-то молчит , ему нечем ответить . Феномен блуждающего дыхания . Вообще цитателю сегодня не позавидуешь — даже с животными и то обращаются почеловечней . Тем более что есть ведь такие живые организмы , тихоходки , которые годами могут обходиться без воздуха — а наверно значит и без вранья , воровства . Хорошие зверьки — вообще люблю зверей : не дохнут на чём свет стоит . « Смерть вызвала к жизни немедленные перемены » , поцокал Эрик Ллойд , лейтенант специальной следственной группы . В материалах дела это было названо « его вырвало , у рта стала скапливаться пена , дыхание перервалось и был констатирован исход » . У некоторых на то чтобы выпирать всласть уходит до двадцати двух минут — врачам ничего не остаётся кроме как ждать иногда по целому часу чтобы наконец засвидетельствовать исчезновение признаков речи . В некоторых странах цитата настолько неподзаконна что вводятся специальные силы : если наблюдается хотя бы три из четырёх описанных в специальной литературе признаков (рвота , пена , перевод дыхания , констатация кончины) , специальная чёрная семёрка пытается предотвратить истортование цитаты изчернеющего горла : в этих целях употребляется разная , иногда даже поэтическая лексика (например « Да нормально всё ») , грозящего разразиться проклятием которое назад уже не возмёшь увещевают мерно раскачивающимися танцевальными движениями , для острактики могут показать патологоанатомический мешок — но даже специальные меры не всегда приходят на помощь . А меры семёрки действительно в основе своей вполне гуманны : иногда задерживаемого хватает удар безо всякого на то содействия со стороны человеческих кулаков . Какой ещё офицер , сержант Верит или сержант Врёт ? Повторять за кем-то — цудовищный опыт ; не мудрено что по ходу постанований голос ощутимо слабеет . Вообще сложно винить ; когда четыре вроде как ещё принадлежащих тебе конечности сходятся где-то там , у тебя за спиной , как тут не обратиться к великим классикам , как не попытаться соприкоснуться с речью Другого , как не свести концы с концами в акте нового произведения где как в капле воды воссоздаётся безвозвратно утраченный мир . А в этой капле глядишь и цихоходочки своё выводят . Свидетелям цитации труднее всего : иногда им приходится буквально сидеть и ждать пока собрат не отайдёт , пока его не отпустит . Известны и случаи одержимости , когда нахватавшегося чужих слов хлебом не корми дай плевануть их в лицо общественности , если вообще не впрыснуть посредством укуса ; служба сдерживания насилия в отношении авторского

начала рекомендует не выходить на улицу без специальных антицитатных капюшонов или масок , подоткнутых куда-нибудь про запас — сойдёт даже крепкая авоська : при встрече с текстопорождающим субъектом вам может выпасть счастливый шанс напялить на него что-нибудь в этом духе . Не покашляете мне на копирку — под запись ? О , смори , опять поцёл , поц в цынсах . Ознакомившийся с десятками вскрытых воздухопроводов цдоктор Карл Виттген ставит под сомнение тот факт , что усилий , затрачиваемых на то , чтобы выдавить из себя ряд фонем , содержащихся в высказывании « Мне нечем дышать » , достаточно , чтобы совершить нужное число вдохов , компенсировавших бы ушедшее на это звукоизвлечение количество кислорода . Если знать где искать , всё это можно извлечь из цысты : такой особый ящик для хранения древних свитков . Потому что цитата — это *последние слова* , это заключительная пульсация повтора которому невозможно ни верить ни вторить , это психанутая моль , то что выходит из рта перед тем как его не закрыть .

Одна злобная ядовитая вéдьба была очень одиноко , вредоносно ядопоражена . В самых кислотных пробросах через блазнящие неприступностью болевые пороги , однако , одна звезда не переставала сиять в её разъеденном медузами новейших медиа , бледно несомом по океану чужезлобствующих мыслей мозгу . О . з . я . в . не переставала мечтать об одном : пробраться в закованное в бетонный гипс телохранилище библиофона и переставить все книги не на то место . Сгладить чернила с покоробившихся от мутящих ум знаний листов , спихнуть на бездушный пол волчцами пошедшие фолиантовы крышки , плясать , плясать в кремовых леггинсах на босо щупальце по горам черепов , утопий , систем . И переставить . Переставить само Всё с места на место . « Five Sentences to Capitalist Punishment » втиснуть туда , где ютилась раньше « Анал . проблем герм-зма » . « Дни прогрессирующей сфагномании » заменить на « Атлас наимперий звёздных путей » . Ни один , ни один жлоб-чудачок не принудит страницы к предательству в них начертанного безумия . Ни один древоточец не попадёт по адресу указанному в картотечной прописке . Она вертелась трутнем и сидела ходуном , и только и грезила что как заложит по пороховой бочке под каждый Пушдом , как предпишет застыть наконец печатно-читальному обороту . Ведь алфавит — кромешная несвобода , ведь порядок расставки делает так что книги ноют под властью Ничто , что в книгах язвительнее всего обнаруживает себя Власть-Ничто . Но поджидавшая её в спираленосной утробе действительность оказалась коварнее чем даже то , что посещало самые запёкшиеся ведьминые кошмары . Нализавшись книжных трусов и нанюхавшись их подмышек , востроносая дебоширка-освободительница увидала вдруг что ни одна , ни один из существующих книг не сидит на своём месте . Ибо ослеплённая собственной слепотой , вéдьба не ведала что у книги нет места , что книга никогда не на месте , что книги не ставятся и не хранятся , не закупаются и не возвращаются . КНИГА НЕ КНИГА , — дохнуло на неё из каждой злокозной щели самоупраздняемого склада знаний , и пирамидальная эстакада соединявшая основание наук с покровом тайны разлучилась со своей несущей позицией и зафыандропилась . « Мама » , — взмолилась Озяв , — « Мямя » .